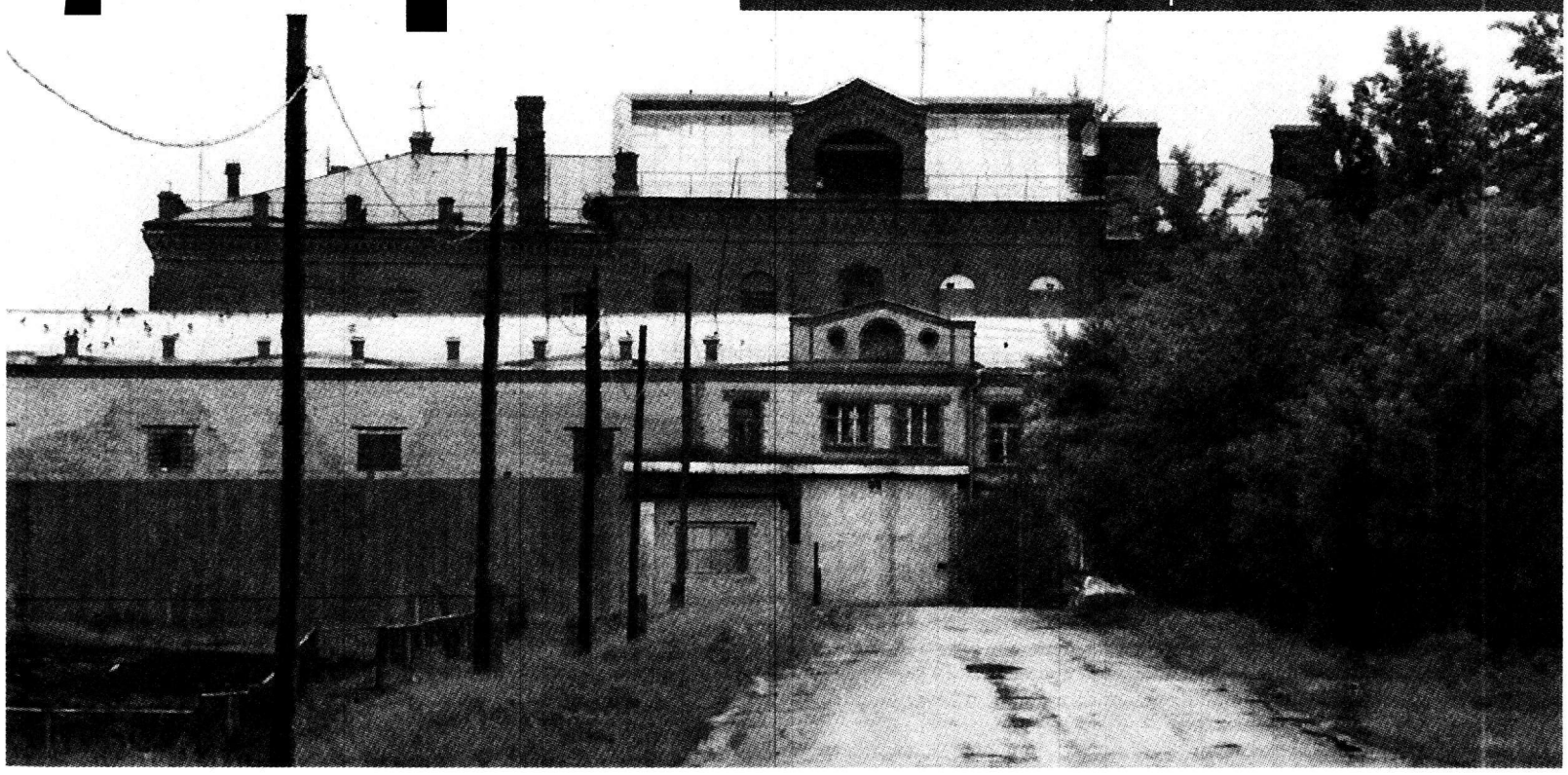
Верхнеуральский централ

В тюрьме отбывал срок полный тезка Ленина – Владимир Ильич Ульянов



«Славное» прошлое

В 2003 году пришлось побывать в Верхнеуральске. Прослышала, что живет и работает в этом маленьком уральском городке журналист-краевед Рашид Мухаммедьянов. Он известен тем, что правдами и неправдами добывает архивные материалы об именитых узниках Верхнеуральского централа. Двадцать лет Россия бредет по пути гласности и демократии, но осторожные чиновники не торопятся открывать тюремные архивы, так что выискивать уникальные свидетельства приходится по крупицам. Несколько лет назад Рашид Мухаммедьянов расспрашивал бывших надзирателей и охранников тюрьмы, записывал их воспоминания. Эти «божьи одуванчики» успели нашептать ему такие откровения, за которые раньше могли бы оказаться рядом с теми, кого охраняли. Так, бывший надзиратель Ершов, прежде чем отойти в мир иной, вспомнил заключенного Александра Слепкова, ученика Бухарина, одного из первых редакторов «Комсомольской правды». Сталин, сознавая огромное идеологическое влияние этой газеты на молодежь, предлагал Александру Слепкову отказаться от своего учителя и публично покаяться в ошибочных взглядах. Редактор отказался и был этапирован в Верхнеуральскую тюрьму. Говорят, неволи не выдержал – повесился в камере. Его тело с электрического шнура-удавки снимал все тот же надзиратель Ершов. Впоследствии он вспоминал, что Слепков поражал их своей культурой, физической закалкой и силой духа. Вероятно, идеологу молодежи помогли отправиться в мир иной.

«Магнитогорский металл» уже рассказывал об истории легендарной тюрьмы. В публикациях называли имена известных заключенных: соратников Ленина, великих артистов и дипломатов, родственников Гитлера. Не буду повторяться, упомяну лишь те факты, которые менее всего известны нашим читателям.

Верхнеуральская тюрьма была в ведении НКВД. В основном здесь отбывали наказание те, кто был осужден по 58 статье – «Измена родине». Понятно, если бы эта статья была инкриминирована только политическим деятелям, но за какую провинность получила десять лет строгого режима всеобщая любимица Лидия Русланова? Рашид Мухаммедьянов такими фактами не располагал. А совсем недавно в одной из книг о Великой Отечественной войне я натолкнулась на такое воспоминание: «После Парада Победы Георгий Жуков устроил на своей подмосковной даче банкет. Лидия Русланова произнесла тост за верных жен и со словами: «Правительство не придумало орденов для боевых подруг», – преподнесла жене Георгия Жукова бриллиантовую брошь». Похоже, за эту неслыханную вольность и была наказана знаменитая певица.

Помню, что после общения с коллегой-журналистом у меня тогда аж дух захватило: легендарные личности, о которых читали в учебниках истории, самые трагические годы своей жизни провели здесь, в маленьком казачьем городишке. Понятно, уехать, не увидев знаменитого векового централа, было просто нельзя. Но место заключения – не проходной двор. О разрешении надо загодя хлопотать: добро дает даже не начальник тюрьмы, а чиновники из областного управления ГУИН в Челябинске. Что не могут высокие чины, порой удается журналистам. С помощью Рашида Мухаммедьянова мне все же удалось проникнуть в исправительное учреждение и даже поговорить с представителем администрации – Сергеем Естиным, тогда заместителем начальника учреждения ЯВ-48/Т-1.

Сергей Петрович не удержался и тоже начал разговор о «славном» прошлом спецучреждения. Логично: ведь стаж его «охранной» деятельности приближался к четверти века, а если посчитать все годы династии Естиных, то потянет на целый век. Заметим, что тюрьма для жителей Верхнеуральска – градообразующее предприятие, которое во все времена и режимы давала людям надежный заработок.

– В годы репрессий здесь сидели люди интеллигентные. Наши старожилы говорили, что к охранникам тогда обращались на «вы» да «будьте любезны». Сейчас маленько не так, – заметил Сергей Петрович.

Много интереснейших фактов о нынешней жизни тюрьмы рассказал заместитель начальника. Но мне, тогда растворенной в историческом прошлом, не хотелось воспринимать централ как обычное исправительное учреждение. Из всех откровений Естина я ухватилась за один факт, странным образом связавший прошлое и настоящее векового острога. По странной иронии судьбы, в тюремных стенах, где томились ближайшие соратники Ленина, члены Политбюро ЦК ВКП(б) Каменев и Зиновьев, семьдесят лет спустя оказался полный тезка великого вождя мирового пролетариата – заключенный Владимир Ильич Ульянов.

– Он и сейчас у нас сидит, – заметил Сергей Естин.

Отступная постовому

Личность вождя с рождения давила на Володю. Еще не перешагнув порога школы, он, благодаря родственникам, почти наизусть знал всю книжную историю жизни маленького Ленина. Как тот украдкой съел сливу и боялся признаться в воровстве, как гонял младшую сестренку и любил старшего брата.

С первого класса Володю демонстрировали многочисленным комиссиям и гостям как уникальное школьное явление. Парадокс, но Ульянов не стал зазнайкой и воображалой. Он прекрасно учился, серьезно занимался боксом. Лишь однажды мальчик восстал против «доставшего» его тезки. В апрельские праздники он, как обычно, отбывал самую почетную обязанность в школе: стоял в карауле перед бюстом вождя. На переменах рука затекала от пионерского салюта, но Володя стоически переносил это испытание. В конце занятий он обязан был протирать влажной тряпочкой гипсового полубога. Однажды, оказавшись один на один с идолом, Володя в сердцах окатил бюст из ведра и, услышав испуганный визг, похолодел. Свидетелем неслыханного кощунства стала завуч. Дело предавать огласке не стали, но с директором школы у Володи состоялся серьезный разговор. После этого случая гордость школы, ученика Володю Ульянова, к его великой радости, от гипсового Ленина отлучили.

Школу он окончил с золотой медалью, получил звание мастера спорта по боксу. В один из столичных вузов Ульянов поступил с легкостью. Это было то время, когда учеба в институте не была основанием для отсрочки от службы в армии. Со студенческой скамьи его отправили в горячую точку – Афганистан. Служил Владимир в отряде особого назначения диверсионной разведки. После Афгана перебросили в Китай, потом в Монголию, где он был тяжело ранен. Домой Ульянов вернулся с монгольской наградой.

Каждую ночь он мысленно прощался с родными, а наутро снова воскресал

После дембеля Владимир женился на чудной девушке, и вскоре у молодых родилась дочка. Ульяновы не отличалась от других среднестатистических российских семей. Личность вождя уже не давила на Володю, да и святость Ильича с приходом перестройки заметно поблекла. Презрев учения своего тезки, Ульянов занялся коммерцией и вскоре преуспел в бизнесе. К тридцати годам были у Володи и машина, и квартира.

Как-то вечером он возвращался домой и, услышав детский крик, бросился на помощь. В одной из подворотен рослые стражи порядка лупцевали подростка. Владимир вспомнил уроки бокса и без труда отбил мальчишку. Мастер спорта несколько увлекся: у стражей были переломаны ребра, в кровь разбиты носы. Маленький воришка благополучно смылся, а вот Ульянову закрутили руки прибывшие на помощь милиционеры. Его препроводили в райотдел и провели «воспитательную работу». После «уроков» Ульянов несколько месяцев провел на больничной койке. Одного из садистов, который самозабвенно колотил его сапогами по почкам, Владимир запомнил крепко.

Прошло несколько лет. Инцидент был почти забыт, но однажды иномарку Ульянова остановил постовой. Владимир сразу же узнал в нем своего давнего врага – того самого милиционера-мучителя. А вот постовой не признал в богатом автовладельце свою давнюю жертву. Милиционер, пожурив за превышение скорости, предложил крутому мужику искреннюю дружбу. Ульянов посчитал эту встречу знаком судьбы и на свою беду согласился, решив, что пришло время вернуть продажному менту должок. Владимир закрепил знакомство, заплатив постовому отступную. Но осуществление мести все откладывалось, а вот дружеские подачки постовой Сергей вытягивал у него регулярно. В это время Ульяновы ожидали прибавления семейства. Но супругу Владимира вдруг срочно госпитализировали в клинику с серьезными осложнениями. Он метался по врачам, которые не давали ему никаких надежд.

В тот роковой день он, забрав ребенка из садика, спешил к жене в больницу. В одной руке сжимал пакет с едой, в другой – маленькую ладошку дочки. В сумке лежал виноград – любимое лакомство жены. Вдруг перед ним неожиданно вырос Сергей и без обиняков стал просить взаймы. Владимир хмуро ответил, что денег нет. Постовой, хмыкнув, неожиданно запустил руку в пакет и вытащил виноградную кисть.

– Для друга денег нет, а на свою бабу средств не жалеешь, – процедил Сергей, отправляя в рот спелые ягоды. – Гляди, еще встретимся на дороге, – сплевывая косточки на ботинки Ульянова, пригрозил мент.

Владимир усилием воли подавил страстное желание удавить гада. Он медленно обошел Сергея и поднялся по ступенькам больничного крыльца.

Должок менту

Поздно ночью Владимир, стараясь не разбудить дочку, достал из тайника пистолет и тихонько вышел на улицу. Он знал, что Сергей сейчас несет дежурство на милицейском посту. Стараясь остаться незамеченным, Владимир подошел к стеклянной будке и долго наблюдал за Сергеем. Тот, энергично жестикулируя, что-то рассказывал своему напарнику. Владимир поймал подонка на мушку и нажал на курок. Раздался хлопок, и Сергей, вздернув руки, на секунду застыл, а потом стал медленно опускаться на пол.

Вскоре Владимира арестовали. Ему предъявили обвинение в двойном убийстве. Пуля, пройдя сквозь сердце его заклятого врага, смертельно ранила другого милиционера. Суд приговорил Ульянова к пятнадцати годам тюремного заключения.

– Отбывать наказание ему назначили у нас, в Верхнеуральской тюрьме, – продолжал свой рассказ Сергей Естин. – Он тогда все в различные инстанции писал, с приговором был не согласен. Дописался... Приехали, надели наручники, объявили приговор: пятнадцать лет заменили на смертную казнь и увезли в другую тюрьму, туда, где ожидают своей участи смертники.

Четыре года, проведенные в той колонии, показались Владимиру вечностью. Каждую ночь он мысленно прощался с родными и с белым светом, а наутро снова воскресал. И так каждый день. Почти не спал, иногда впадал в забытье. К реальной жизни возвращал необходимый тюремный ритуал – прием пищи. Режим у смертников был такой, что Верхнеуральская тюрьма казалась ему чуть ли не раем.

Родители Ульянова, обезумев от горя, стучались во всевозможные инстанции и добились отмены «вышки». Тогда Владимир возблагодарил Бога за свои 15 лет строгого. Но вскоре приговор вновь заменяют смертной казнью. В течение четырех лет решение меняли шесть раз, и он трижды приговаривался к высшей мере наказания. Окончательный вердикт был вынесен несколько лет назад – все те же 15 лет.

– Надо было видеть его возвращение к нам, – вспоминал Сергей Естин, – радовался, будто в дом родной приехал.

Владимир часто получал письма из дома. Особенно был дружен с младшей дочкой. Тогда роды у жены прошли благополучно, на свет появилась еще одна девочка. Владимира арестовали как раз в тот момент, когда он привез супругу домой. Он помнил, что долгожданная малышка была чуть больше его ладони, а теперь почти невестой стала.

Наверное, сейчас зек Ульянов уже освобожден. Сопоставляя жизненный путь этого человека, носящего имя великого вождя, нельзя не заметить, какие странные фортели порой выкидывает история. В Верхнеуральском централе томились единомышленники великого Ильича, боровшиеся против буржуев, и, спустя почти столетие, в этом же остроге «парился» буржуй Ульянов, восставший против беспредела власти. Одно можно сказать точно: жизненные перипетии бывшего бизнесмена Владимира Ульянова не менее захватывающи, чем революционные похождения великих соратников Ленина.

Ирина КОРОТКИХ.